

А.М. СИДОРОВ*Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет***ПОЛИТИКА ЭСТЕТИКИ В ПРОЕКТЕ МОДЕРНА**

Статья посвящена политическим аспектам возникновения и распространения эстетики в эпоху модерна. Эстетика открыла новую территорию чувств, переживаний, аффектов, которая была оставлена без внимания в посткартезианской философии. Появление эстетики было материалистическим восстанием тела против тирании теоретического. Но с другой стороны, обращение к чувствам позволяло власти укорениться на уровне безмолвной аффективной жизни индивидов. Эстетика, следовательно, является противоречивым концептом, сочетающим в себе как возможность внедрения господства в аффективную и телесную жизнь, так и утопическое видение равноправия чувственного в сообществе автономных субъектов. *Ключевые слова:* эстетика, политика, модерн, искусство, чувственность, тело.

«Эстетикос» означает по-гречески «чувствующий», «ощущающий», а «эстезис» – название для чувственного опыта. Таким образом, хотя к XX термин «эстетика» применялся прежде всего к искусству, то есть, скорее к культурным формам, чем к чувственному опыту, к воображаемому, чем к эмпирическому, к иллюзорному, чем к реальному, исходным пространством для эстетики является не искусство, а реальность – телесная, материальная природа. Эстетика возникла как «курс тела»¹. В оригинальной формулировке Баумгартена этот термин отсылает в первую очередь не к искусству, но, как и предполагает античный *aesthesis*, к области человеческих чувств и восприятий, отличной от концептуальной мысли, и относится к форме познания, достигаемого посредством вкуса, зрения, обоняния, осязания – всего телесного «сенсориума». Философия как будто осознала, что за пределами анклава разума есть обширная территория чувств, побуждений, аффектов и т.п., свидетельствующая о нашей укорененности в мире. Эстетика начала рассматривать это наиболее явное и осязаемое измерение человеческого, которое посткартезианская философия удивительным образом до тех пор упускала из вида. Таким образом, это, кажется, было началом материалистического восстания тела, жизнь которого долго оставалась неартикулированной, против тирании теоретического. «Основание эстетики как независимой дисциплины предстает как

¹ *Eagleton T. The Ideology of the Aesthetic. Oxford, 1990. P.14.*

противодействие репрессивной власти разума... Эстетическая дисциплина противопоставляет порядку разума – порядку чувственности². Но недосмотр классической философии в отношении чувств имел свою политическую цену. Политики и философы модерна были законодателями, намеревавшимися обуздать хаос, открывшийся в постметафизическом мире, лишенном единого онтологического безальтернативного порядка и вовлеченного в поток возникающих и исчезающих изменчивых форм жизни. Кант сравнивает философа с законодателем и цензором, и это не просто метафоры, поскольку власть и знание были внутренне взаимосвязаны в их стремлении к формированию сырого и неопределенного материала жизни. Может ли процветать политический порядок в модерную эпоху, отказавшуюся от традиционной легитимации власти, если он не обращается к наиболее осязаемой сфере телесной, чувственной жизни общества? Может ли власть законодательствующего Разума быть устойчивой, если он остается в неведении относительно жизни тела, чувств, страстей и т.п.? Не нуждается ли власть в изучении этой загадочной области? Проблема заключалась в том, как примирить ценности Просвещения – секуляризацию, гуманизм, республиканизм, главенство разума и науки – с возрастающим разочарованием в мире, которое распространялось, как это ни парадоксально, именно под влиянием этих ценностей. Пострелигиозные и посттрадиционные ценности Просвещения плохо сочетались с поддержанием моральных и социальных отношений, с течением повседневной жизни, и вели к их прогрессирующей деградации. На закате эпохи Просвещения новый сентименталистский и романтический образ человечности вступал в конфликт с просветительским гуманизмом, основанным на идеях автономии, освобождения от внешних авторитетов, критического использования разума, универсальных принципов, с точки зрения которых подвергаются критике религия, история, нравы, политика для достижения прогрессивного движения к более цивилизованному и рациональному обществу. Общество ищет избавления от этой пустоты формальной автономии, которая уже стала вызывать тревожное переживание развоплощенности.

Новая власть нуждается для преследования своих целей овладения «чувственной» жизнью, поскольку иначе она не будет устойчивой. Но мир чувств и ощущений не должен быть отдан на откуп чистой субъективности, то есть, тому, что Кант презрительно называл «эгоизмом вкуса». Если «жизненный мир» не будет рационализирован, то не ока-

² Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев, 1995. С. 186.

жуются ли все жизненно важные идеологические вопросы неконтролируемыми? Разум должен был найти способ проникновения в мир чувств, не рискуя при этом своей гегемонией. Этого тонкого баланса пытался достичь в своей эстетике А. Баумгартен. Если он новаторским жестом открыл новую территорию, то лишь для того, чтобы разум мог ее колонизовать, как европейцы колонизировали открытые земли. Для Баумгартена, эстетическое познание осуществляет посредничество между обобщениями разума и частностями ощущений. Эстетическое «единство в многообразии» организовано и оформлено, открыто для рационального анализа, хотя и требует его специфической формы. Это и есть эстетика – «сестра разума», как пишет Баумгартен, своего рода женский аналог разума на низшей ступени чувственной жизни. Ее задача заключается в том, чтобы предписывать этой сфере ясность и совершенство, в манере, свойственной собственно разуму. Эстетика возникла как признание того, что мир восприятий и переживаний не может быть просто выведен из абстрактных универсальных законов, но требует соответствующего дискурса и следует своей внутренней логике. Она, как женщина, подчинена мужчине-разуму, но имеет свою, скромную задачу, которую должна выполнить. Господство над всеми низшими способностями, по убеждению Баумгартена, принадлежит только разуму, но это господство не должно вырождаться в тиранию. Управление чувствами не препятствует развитию их относительной автономии. Обладая такой «наукой о конкретном» можно было не опасаться, что тело и история выскользнут из сетей концептуального дискурса. В непроницаемом сумбуре нашей материальной жизни с ее хаотичным потоком некоторые объекты выделяются своим совершенством, напоминающим о рациональной определенности, и их мы называем прекрасными. Нечто вроде идеальности кажется определяющим их чувственное существование изнутри, а не паря над ним как платоновские идеи. В самой материи обнаруживается своеобразная, но строгая логика. Поскольку мы признаем некоторые объекты прекрасными не в результате анализа и аргументации, но посредством созерцания, в нашей воплощенной жизни возникает нечто вроде спонтанного согласия, обещающего, что эта жизнь, несмотря на ее темноту и противоречия, может следовать чему-то очень напоминающему рациональный закон. От Баумгартена до феноменологии можно проследить развитие этой проблемы разума, отклоняющегося от самого себя, удваивающегося, совершающего окольный путь через область чувственности, опыта.

С социально-политической точки зрения главной проблемой модерна является утрата солидарности, фрагментация общества, нарастание центробежных, дифференцирующих тенденций, неизбежные после

«утраты середины» (Х. Зедльмайр), «смерти Бога» (о чем задолго до Ницше уже говорили романтики), «разрыва с традицией» (Э. Гомбрих), «исчезновения порядка» (Х. Блюменберг). В эстетическом опыте, открытом на закате эпохи Просвещения, разобщенные индивиды буржуазного мира переживали особую форму интерсубъективности, устанавливающую сообщество чувствующих субъектов. Эстетический опыт объединяет людей со всей авторитетностью закона, но на более глубоком, аффективном, интуитивном уровне. Нас как субъектов объединяет в этом случае не знание, но невыразимая взаимность чувств. И эта связующая очевидность чувств является одной из главных причин расцвета эстетики в XIX веке. В пугающей новой реальности классового разделения и рыночной конкуренции только здесь человеческие существа могли обрести близость и общность. На уровне теоретического дискурса мы знаем друг друга только в качестве объектов, в сфере морали мы уважаем и признаем друг друга в качестве автономных субъектов, но эта свобода остается невоплощенной, призрачной, поскольку не существует никакой очевидности свободы. В сфере эстетического опыта мы можем переживать нашу разделяемую с другими человечность со всей непосредственностью аффекта. В условиях индивидуалистического, овеществленного, абстрактного характера моральной и политической сферы одна эстетика представляет жизненный уровень существования, создавая «океаническое» чувство единства и близости. Пожалуй, первым мыслителем, отчетливо осознавшим политическое значение эстетики, был Фридрих Шиллер. В своем анализе противоречий современного общества, которому затем следовали Маркс, Зиммель, Вебер, и – если говорить о современной философии – Маркузе, Хабермас и Рансьер, Шиллер описывает разделение труда и специализацию как силы, которые делают общество в целом богаче, а отдельную личность – беднее. Личность превращается в обломок, осколок целого, и в самой общественной жизни происходит распад органических связей. И вот, по мысли Шиллера, болезни культуры могут быть исцелены эстетическим воспитанием, примиряющим противоположности – природу и свободу, рассудок и чувственность, труд и наслаждение. «Шиллер понимает искусство как некий коммуникативный разум, который осуществится в «эстетическом государстве» будущего»³. В эстетическом мире царят свобода и равноправие всего сущего. Если в теории и морали мы подводим частное под общее, то в эстетическом опыте «красота так играет с материалом – вещами, веществами, идеями, языком, – что дает возможность проявить-

³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С.50.

ся их своеобразию и самоценности, и благодаря этому, они, оставаясь «свободными», сообразуются с целым»⁴. В современной теории этот политический аспект проекта эстетики подчеркивает Ж. Рансьер, описывая эстетическую революцию конца XVIII века как возникновение утопии равноправия чувственного, слома иерархий – не только в искусстве, но и в самой жизни. Эстетика предлагает небывалый прежде образ равенства, что и порождает утопические социальные и политические ожидания. С точки зрения Рансьера «эстетика... есть мысль о новом беспорядке»⁵, узел противоречий и смешений, составляющих саму суть современности. Рансьер подчеркивает, что связь эстетики и политики заключается не в идейном содержании, а в том, что и политика и искусство – это две сферы «разделения чувственного», то есть организации сферы опыта. Политика является не просто сферой борьбы за власть, а конфликтом по поводу различения объектов в общем пространстве и времени, и субъектов в их способности к речи и действию. Политика наделяет зримостью то, что прежде ей не обладало, различает осмысленные требования в том, что прежде казалось бессмысленным бормотанием варвара. Таким образом, политика обладает своей эстетикой, присущим ей способом формирования опыта. Но это значит также, что существует имманентная политика эстетики, указывающая на связь искусства, создающего символическую интересную среду вокруг материальной формы, с определенным типом человеческого сообщества. У Шиллера «свободная видимость» статуи отсылает к «свободной игре» человеческих способностей, определяющей «человечность человека» и лежащей в основе не только искусства в узком смысле, но и «искусства жить». Новое «эстетическое» искусство, ставящее под сомнение прежние иерархии, делающее своим предметом случайное, мимолетное, вытесненное, обращающееся к средоточию чувственности любого человека несет в себе обещание новой формы совместной жизни. Ведь наиболее глубинная революция заключается не в смене власти, а в трансформации самого чувственного опыта, из которого может вырасти новая человечность.

Итак, в проекте эстетики был политический смысл, причем двойственный. С одной стороны, власть должна научиться обращаться с аффективной жизнью граждан. Но с другой – это исследование может принять деконструктивный характер, субъективизировать казавшиеся незыблемыми авторитеты и подготовить почву для новых концепций

⁴ Сафрански Р. Шиллер, или Открытие немецкого идеализма. М., 2007. С.363-364.

⁵ Рансьер Ж. Разделяя чувственное. М., 2007. С.58.

легитимности. На взрывной, революционный характер такой «эстетической философии», инициированной Шиллером, указывает Маркузе. «Путь к свободе пролегает через освобождение чувственности... Для спасения цивилизации потребовалось бы упразднение репрессивного контроля, наложенного ею на чувственность»⁶. В это время возникала новая концепция субъекта, который, подобно произведению искусства, открывает закон в глубинах собственной свободной идентичности, а не во внешней власти. Освобожденный субъект принимает закон как принцип свой собственной автономии, разбивая каменные скрижали, на которых первоначально закон был высечен, что бы записать его вновь в своем сердце. В классической форме это выразил Руссо в «Общественном договоре». Окончательной связывающей силой буржуазного социального порядка, в противоположность принудительности абсолютизма, должны стать чувства, привычки, убеждения и т.п. Следовательно, такой порядок можно назвать эстетизированным. Власть теперь может опираться на частности субъективного опыта, и просвещенческий конфликт между абстрактным долгом и стремлением к удовольствию должен быть разрешен. Растворить закон в нравах, привычках и т.п. означает отождествить его с доставляющим удовольствие благодеянием субъекта.

Проблема этого периода действительно заключалась в том, что собственнический индивидуализм ограничивал каждого субъекта его приватной сферой, разрывая все позитивные связи между людьми и сталкивая их во взаимном антагонизме. Историческая ирония заключается в том, что те же силы, которые создали буржуазное общество, угрожали разрушить его. После разрушения централизованного принудительного аппарата абсолютизма индивиды почувствовали нехватку институтов, которые обеспечивали бы единство социальной жизни. Вопрос заключался в том, где должен быть локализован опыт единства, достаточно сильный для воспроизводства социальной жизни. В экономической жизни индивиды структурным образом разобщены и антагонистичны, на политическом уровне нет ничего кроме абстрактных прав. Вот почему эстетическая сфера чувств, переживаний, воплощенных привычек и т.п. осталась единственным кандидатом на роль источника возрожденного единения. Полагаться на чувства как на основу социального единства было не так уж ненадежно, как может показаться. Что может быть более сильным и несомненным, чем «естественная» склонность и «инстинктивная» лояльность. Такие органи-

⁶ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев, 1995. С. 196.

ческие связи гораздо более действенны, чем подавляющие структуры абсолютизма. Но для правильной организации аффективной сферы требуется «воспитание чувств». Руссо в «Эмиле» и «Новой Элоизе» начал этот процесс распространения педагогики и сексуальной морали, направленный на создание новых форм субъективности. Добродетели идеального гражданина у Руссо основываются на эмпатическом воображении, вызывающим в нас сострадание и симпатию к другим существам, то есть, на эстетическом основании. Руссо не думал, что чувства могут заменить рациональный закон. Но он понимал, что разума недостаточно для объединения общества, и он может стать регулирующей социальной силой, только будучи одушевленным любовью и привязанностью. «В XVIII веке чувствующий субъект выходит на авансцену общественной жизни. Чувства в буквальном смысле становятся видимыми. Они превращаются в инструмент социальной коммуникации»⁷. «Сентиментальность», таким образом, была на стороне прогрессивного среднего класса, как эстетическое основание новой формы политики и социальной жизни.

Этот проект был отмечен сущностной двойственностью, поскольку никогда нельзя ясно отличить, когда обращение к чувствам и вкусу несет в себе альтернативу автократии, а когда позволяет власти тайно укорениться на более глубоком уровне субъективности – на уровне аффектов. Автономию и свободное согласие на деле на так-то просто отличить от результата соблазнения и внушения. Однако, рассматривать буржуазного субъекта только как мистифицированного и принимающего необходимость за свободу, подавление за автономию было бы недиалектично. Историческая победа буржуазной свободы и демократии породила утопическое видение свободного сообщества автономных субъектов. Да, власть сместилась с централизованных институтов на уровень безмолвной аффективной жизни субъектов. Но это же можно рассматривать как часть политической эмансипации, когда свобода и сострадание, воображение и телесность могут быть услышанными вопреки дискурсу репрессивного рационализма. Эстетика, следовательно, с самого начала, как указывает на это Т. Иглтон, является противоречивым, двусмысленным концептом⁸. С одной стороны, она выступает подлинно освободительной силой, соотносясь с утопией сообщества субъектов, связанных симпатией, а не внешним законом, сохраняющих своеобразие, но объединенных в то же время социаль-

⁷ Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. М., 2011. С.95.

⁸ Egleton T. The Ideology of the Aesthetic. Oxford, 1990. P.28.

ной гармонией. Эстетика предлагала новые формы автономии, самоопределения, соотношения между законом и желанием, моралью и знанием. С другой стороны, эстетика вовлечена в то, что М. Хоркхаймер называл «интернализированной репрессией», внедряющей социальную власть в телесную и аффективную жизнь индивидов и позволяющей ей достигать гораздо более действенной формы политического господства (тема, впечатляюще раскрытая М. Фуко). Тонкость заключается в том, что придавать важное значение телесным удовольствиям и влечениям только для того, чтобы еще эффективней контролировать их, означает рисковать настолько интенсифицировать и актуализировать их, что это приведет к потере контроля над ними. Эстетика как привычка, чувство, спонтанность может хорошо ужиться с подчинением, но вот страсть, воображение, чувственность уже не так легко встраиваются в существующий порядок. Наиболее глубокие слои субъективности – это, бесспорно, объект желания господствующего социального порядка, но это так же и то, чего он должен больше всего опасаться. Эстетика – это двусмысленный, подрывной проект, поскольку в чувствующем теле всегда есть нечто, что может восстать против власти, записывающей на нем свой закон.